

1 МАЯ 1967

ТВОРЯЩАЯ СИЛА ЖИЗНИ

В ТОТ ДЕНЬ, когда было объявлено о присуждении Ленинских премий и в числе награжденных было названо и мое имя, — вечером, на спектакле, я пережил незабываемые минуты. Шла «Конармия». Перед началом второго действия товарищи пригласили меня на сцену. Мы встали перед зрительным залом — и участники спектакля, в костюмах и в гриме, и те, кто не был занят в этот вечер, — и зал, как один человек, поднялся нам на встречу. Сколько лет ни будь артист на сцене, ему никогда не привыкнуть к приветствиям зрителя, кто всегда воденне сердце, но здесь благодарность людей была особая. Как это пережить? В зале словно бы ушло ощущение раппы. Всеми нами — зрителями в зале, артистами на сцене — владели одно чувство: гордость. В высокие минуты жизни не надо сторониться высоких слов: гордость. Люди в зале принесли нам гордость за наш театр, за наше искусство, удостоенное самой большой награды художнику в Советской стране; мы, вахтанговцы, полной мерой ощутили в тот вечер — какое это гордое доверие со стороны художника: идти к людям на встречу — на встречу чувству, раскритичному к благородному, героическому и возвышенному.

Для нас был счастливым тот вечер. Он был праздничным для всех вахтанговцев. Я сидел в зале, и самый зал был мне прекраснейшей сценой. Я видел, как чутко и трепетно ловят люди сцену и светлую человечность режиссера. Зал сердцем принимал то, что говорилось о бывших Конармии, человеческой душой слушал, какие они были, живые в своей живой человечности полуважковой давности годов. До последней ниточки своего существа я готов служить за это театру: видеть, как озаренность сцены озаряет душу людей. Артист и зритель едины перед красотой, которую творит театр. Творит открывающую человека силу, а без этого не представляю театра!

Профессиональная память актера — быть может, слишком капризная и упрямая, но и без этого память неотступно держит перед моими глазами сцену тридцатилетней давности. Это была премьера спектакля «Человек с ружьем». Из глубины коридора Смольного

Рубен СИМОНОВ
лауреат Ленинской премии

появляется Ленин (бессмертный образ воссоздал Борис Васильевич Щукин), и Ленин идет прямо на зрителя. «Уважаемый, где бы тут чайку мне?» — спрашивает его солдат Щадрин, никогда не видавший Ленина, а зал астаёт, зал рукоплещет Ленину. И ушло, как-то очень ушло тогда ощущение уверенности сцены, и будто насказанно разделился театр — этого чувства мне не забыть. Увиделись время и Ленин — широко-широко. В ту пору была героическая Испания и уже предвещали тревоги великий бой с фашизмом и все мы дышали тогда предгрозовой атмосферой эпохи — и люди видели Ленина!.. Без героической окрыленности не представляю искусства театра.

Мне кажется знаменательным в эти дни, радостные для вахтанговцев: театр, которому выпало на долю сделать в истории искусства достоянием сцены образ живого Ленина, отмечен за свое искусство премией имени великого Ленина. Я говорю: театр, вахтанговский театр в целом удостоен высокой награды, потому что я не вправе не делить эту награду со своими товарищами по искусству.

Мы — вахтанговцы. Всю свою жизнь я почитаю и буду почитать себя учеником незабвенного Евгения Богратоновича Вахтангова. В торжественные для вахтанговского театра дни я снова и снова вспоминаю его слова: «С художника спросится, — говорил Вахтангов, — только народ творит, только он несет и творческую силу, и зерно будущего творения. Грех перед своей жизнью совершает художник, не черпающий этой силы и не ищущий этого зерна. Видеть творящую силу жизни, видеть зерно будущего творения преобразимыми в прекрасную правду театра, — этот зовет никогда не устаревает, он неизменно нов в каждый новый день, потому что в каждом нашем дне живет революционная, творческая сила и в каждом нашем дне зревают зерна будущего.

Чем старше становишься, чем больше накапливается опыт и чем шире смотришь на театр и шире смотришь на зрителя, тем полнее понимаешь: самая богатая форма художественного творчества — реализм. В нем все для театра. Все,

чем может быть театр, включая театр синтетический, театр просторных поэтических, широко зрелищных форм, о котором мечтаю, который мне видится на нашей сцене, — все в себя принимает, все может дать сценическому искусству путь реалистической прояски жизни. Модничанье, острота придуманного приема, срывающая однодневные аплодисменты, — им суждено жизнь бабочек-однодневок. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что погоня за экстравагантной внешностью рисунка — это выражение эгоизма художника. Так любят себя в искусстве, а не искусство любит в себе. И более того, если на внешней остроте приема делается попытка раскрыть большие идеи времени, идеи революции, современной красоты и достоинства человека-борца, то тем разительнее такой эгоизм: красоваться самому в большой идее, а не идее нести в себе.

На все времена перед лицом прекрасного и великого суетны самовыражения, самоуглубление, самопостыжение, и как там их еще называют. В искусстве есть только одно истинное выражение, истинное углубление и истинное постижение — творящей силы жизни и зерна грядущего творения. Весь мой полуважковой опыт на сцене говорит: зрительный зал острее всего отзывается на очистительную романтику чувства, на человеческую красоту, выраженную в благородных и победных образах эпохи. Театр не живет без красоты, а красоту ему дает возвышенное осознание жизни. Возвышенное осознание времени. Тот острый контакт зала, героической атмосферы эпохи с образом Ленина, когда Ленин предстает перед залом, — вот возвышенность театра. Волнение зрителей перед романтической чистотой бойцов Конармии — вот возвышенность театра. Варю в такой театр и такой театр люблю: объединяющий окрыленным осознанием времени здесь до единого зрительный зал!..

Я неспроста вспоминаю сегодня слова Евгения Вахтангова: с художника спросится! В дни почетного признания заслуг вахтанговского театра, в праздничный первомайский день в хору, чтобы прозвучало слово моего учителя, который завещал служить красоте революции. С художника спросится. Прекрасной, высокой мерой спрашивает время с художника.